

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ВЕРБАЛИЗОВАННОГО ФРАГМЕНТА ГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

**Статья посвящена изучению механизмов образования взаимосвязи между объектами в вербализованном фрагменте графического текста (на материале сочинений-описаний по картине).
Ключевые слова: графический текст, вербальный текст, композиция, вербализация.**

Текстами в широком смысле этого слова можно считать совокупность социальных феноменов, имеющих знаковую природу. Ю.М. Лотман отмечал, что «культура вообще может быть представлена как совокупность текстов» [8, с. 492]. Следовательно, с семиотической точки зрения картина, ритуал или определенное поведение также являются текстами. Наличие текстов различной знаковой природы может вызывать процессы их семиотической трансформации, например экранизация художественного произведения, цифровая кодировка графических текстов (например, фотографий) и др.

Графический и вербальный тексты сближаются между собой по многим критериям. Во-первых, они имеют набор основных единиц (словарь) и правила их сочетания (грамматику) [6, с. 32]; во-вторых, они обнаруживают сходство в пространственно-временной организации [11]; в-третьих, в обеих системах действуют универсальные законы формообразования, в частности, принцип золотого сечения, который является основой организации как графических (произведений живописи) [7], так и вербальных (произведений литературы) [3, с. 98] текстов.

В данной статье рассматривается процесс вербализации фрагмента картины А. Иванова «Явление Христа народу», а именно: *как, каким образом и какими средствами осуществляется связь между двумя объектами в вербальном тексте, сюжетно связанными между собой в графическом тексте*. Мы предполагаем, что эта связь должна базироваться не только на композиционной связи двух графических объектов, которая изначально дана на картине. Так как весь процесс вербализации протекает на основе ментальной деятельности, возможно появление дополнительных концептуальных компонентов, обусловленных, в частности, стереотипами мышления (языковыми и концептуальными). С другой стороны, поскольку вербальный текст

кодируется с помощью средств естественного языка, вероятно появление также языковых компонентов.

Основными задачами являются: 1) воссоздание структуры смыслового пространства вербального текста, кодирующего фрагмент графического текста, 2) сравнение и анализ средств кодирования одного и того же смысла в разных семиотических системах, 3) оценка соответствия результата перекодирования оригиналу.

Трансформация текстов любого языка предполагает наличие реципиента и участие его сознания в данном процессе, так как естественным языкам свойственно классифицирующее «вторжение» мышления в каждый семиотический акт [5, с. 211]. Мы считаем, что экспериментальное изучение процессов трансформации текстов разной семиотической природы возможно, в частности, на материале вербального воспроизведения (описания) графических текстов – картин. В связи с этим мы воспользовались методикой, примененной К.И. Белоусовым для анализа текстов-описаний картины «Дети в лесу» [3, с. 128].

Студентам 1-2 курсов факультета филологии было предложено сделать описание картины А.А. Иванова «Явление Христа народу» (рис. 1). Выбор картины обусловлен, с одной стороны, известностью сюжета, который связывает изображенные объекты концептуально. С другой стороны, работа художника над композицией картины в течение двадцати лет, многократная смена композиции в поисках оптимального варианта позволила выстроить пространство картины по принципам золотого сечения, о чем говорит Ф.В. Ковалев в своей работе «Золотое сечение в живописи» [7, с. 67-68].

Поскольку каждый из изображенных объектов в сочинениях обозначался разными способами (например, «отец», «мужчина» и т. д.), была произведена инвентаризация всех объектов с целью их единообразной маркировки. При вы-

делении и номинации объектов мы, с одной стороны, воспользовались обозначениями, приводимыми в профессиональных интерпретациях (портал Культура России, Энциклопедия для детей и др.), с другой стороны, учитывали то, как называют объекты сами информанты.

В связи с природой вербального текста (в отличие от графического), знаки в нем (в частности, слова, называющие объекты описываемого графического текста), следуют один за другим в линейном порядке. При этом названия объектов не обязательно следуют непосредственно друг за другом, они могут быть разделены между собой другими словами, не называющими изображенные на картине объекты, но необходимыми для обеспечения связности фраз и предложений, например: *«Мужчина обнаженный с мальчиком улыбается, несмотря на то, что ему холодно»*.

Каждый раз, когда один объект в вербальном тексте следует (не обязательно непосредственно) за другим (например, объект «Сын» следует за объектом «Отец»), мы говорим, что первый по порядку объект *переходит* во второй (то есть в нашем примере объект «Отец» переходит в объект «Сын»). Для того чтобы исследовать механизмы перекодирования композиции графического текста в композицию вербального текста, была поставлена цель определить наиболее частые переходы одних объектов в другие в вербальном тексте. Установив таким способом наиболее характерные связи между объектами, можно разделить все пространство текста на фрагменты и далее, на примере одной пары объектов, детально исследовать механизмы образования смысловых взаимосвязей между объектами в вербализованном фрагменте графического текста.

Были проанализированы абсолютно все переходы объектов, включая повторы. В результате были получены данные, отражающие частоту перехода каждого объекта в другой объект в вербальном тексте.

Анализ переходов одних объектов в другие в вербальном тексте дает несколько пар объектов с достаточно высокой частотой переходов одного объекта в другой. Одной из таких пар является пара «Отец» > «Сын». Общее количество переходов от объекта «Отец» к объекту «Сын» – 24, от объекта «Сын» к объекту «Отец» – 4. Поэтому пара «Отец» > «Сын» как вербализован-

ный фрагмент графического текста была проанализирована детально именно в таком порядке. Здесь проявляется важная составляющая процесса вербализации – влияние стереотипов на речемыслительную деятельность. В этом случае заметно действие социального стереотипа, замещающего первоначальное движение описания слева направо от «Сына» к «Отцу» (как они и представлены на картине) к композиционной инверсии, движущей текст от «Отца» к «Сыну».

Из 24 переходов объекта «Отец» в объект «Сын» максимальное число переходов данных объектов (4 раза), приходящееся на один текст, было обнаружено в одном тексте. В 18 текстах переходов этих объектов (именно в указанном порядке) не наблюдалось. Среднее количество переходов от объекта «Отец» к объекту «Сын» – 1,7 на один текст.

На следующем этапе был проведен анализ всех предложений, содержащих переход одного объекта в другой для воссоздания общей картины процесса вербализации данного фрагмента. Для этого, во-первых, был проведен компонентный анализ каждого предложения. Например, предложение *«В правом нижнем углу картины мы видим отца и сына»* было разбито на следующие компоненты: *«В правом нижнем углу картины» / «отца и сына»*. Так как фрагмент предложения *«мы видим»* не несет никакой описательной нагрузки, мы не принимали его во внимание. Далее компоненты объединялись в семантические поля, например, компонент *«В правом нижнем углу картины»* относится к смысловому полю *«Расположение в пространстве»*, а компонент *«отца и сына»* относится к полю *«Пара Отец – Сын»*. Одни семантические поля проявляют себя как «сильные», другие – как «слабые». Сила семантического поля определяется количеством компонентов, его составляющих: чем больше компонентов, тем сильнее поле. Таким образом, было выделено 20 смысловых полей для данной пары объектов.

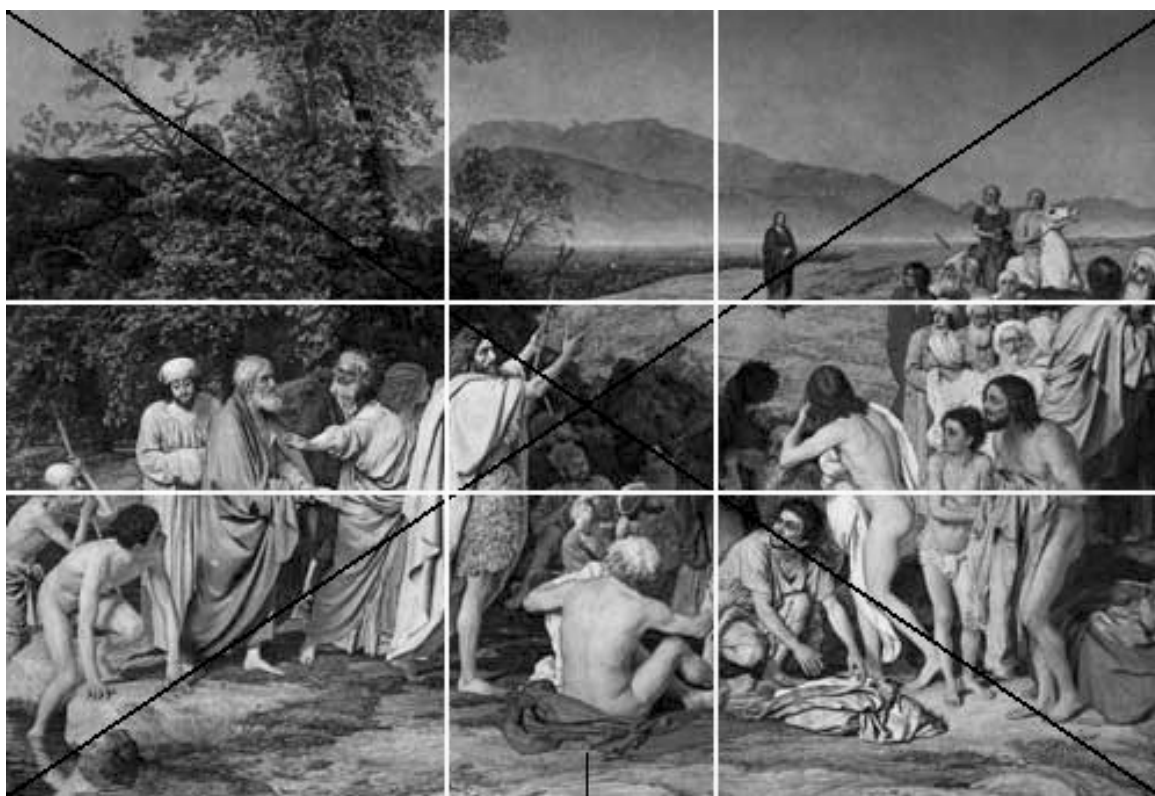
Кроме того, внутри полей были выделены различные группы компонентов: 1) номинанты, относящиеся к самой пространственной композиции описанной картины (то есть то, что на самом деле изображено на картине); 2) интерпретационные компоненты (то, что информанты привнесли в процессе описания); 3) отдельно выделены компоненты, выражающие отношение информантов к тому, что они опи-

сывают; 4) языковые компоненты (собственно средства языка, которые участвуют в процессе вербализации).

Некоторые семантические поля являются однородными, то есть состоят из одного типа компонентов. Например, поля «Чувства / эмоции», «Желания / намерения», «Убеждения», «Крещение», «Время» состоят только из интерпретационных компонентов. Эти семантические блоки вводятся информантами, чтобы «достроить» в вербальном тексте сложившийся в сознании образ.

Выделяются также смешанные смысловые поля, где присутствуют различные типы компонентов. Так, поле «Люди» включает в себя два типа компонентов: номинанты («люди», «Иоанн Креститель», «Иисус Христос» и т. д.) и языковые компоненты (дейктические элементы – которые, те и др.).

Так как практически каждое слово в предложении представляет собой компонент, входящий в какое-либо поле, мы заменили слова в предложениях названиями полей, к которым они относятся, и получили 38 смысловых цепочек.

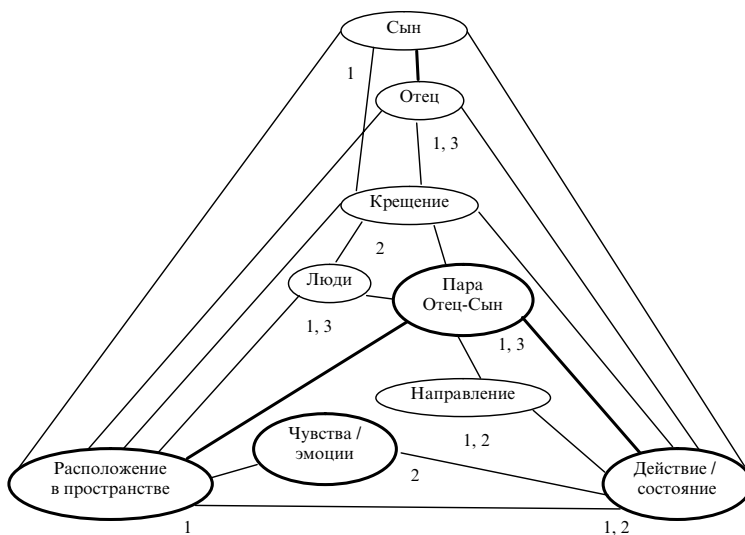
- Иордан, берег
- Старик с посохом
- Обнаженный мальчик
- Дерево
- Группа апостолов
- Нафанаил
- Андрей
- Петр
- Иоанн Богослов
- Иоанн Креститель, крест
- Холм, объекты вдали, горы
- Группа странников
- Мужчина в красном головном уборе
- Хозяин
- Раб
- Поднимающий старика юноша
- Поднимающийся старик
- Бирюзовые одежды
- Иисус Христос
- «Аполлон»
- Сын
- Отец
- Группа фарисеев
- Легионеры на лошадях
- Юноша в сером плаще
- Старик с бородой справа края

Примечание: на рисунке даны обозначения объектов, а также частично воспроизводится композиционное строение картины (белым отмечены линии золотого сечения, обозначенные Ф.В. Ковалевым [Ковалев 1989, с. 47]).

Рисунок 1. Картина А. Иванова «Явление Христа народу»

чек. Так, рассмотренное выше предложение «В правом нижнем углу картины мы видим отца и сына» превратилось в следующую смысловую цепочку: «Расположение в пространстве» – «Пара Отец-Сын».

Затем была установлена степень взаимодействия полей друг с другом с помощью метода графосемантического моделирования, разработанного К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской [1; 2]. Данный метод «позволяет представить набор данных (выборку, целостность) в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет четкую иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и всей системе в целом» [4, с. 44]. Предполагается, что все поля в пределах одной смысловой цепочки взаимодействуют между собой, следовательно, необходимо было учесть все их комбинации. Чем чаще два семантических поля встречаются вместе в одной комбинации, тем, соответственно, сильнее связь между ними. Таким образом, была найдена частота встречаемости смысловых полей в одной комбинации и составлена модель их взаимодействия друг с другом. Для построения модели были отобраны только те значения, которые превышают порог статистической значимости (суммы среднего значения и среднеквадратичного отклонения).

Примечание: толщина линий отражает силу семантического поля и силу взаимодействия между полями (полужирный – наиболее сильные поля и связи между ними); цифрами показано наличие в полях различных групп компонентов: 1 – компоненты, передающие то, что изображено на картине; 2 – интерпретационные компоненты; 3 – языковые средства.

Рисунок 2. Графосемантическая модель взаимодействия смысловых полей в процессе вербализации фрагмента «Отец» > «Сын»

Итак, рассмотрим графосемантическую модель для фрагмента «Отец» > «Сын» (рис. 2).

В текстах-описаниях наблюдается двоякая номинация объектов «Отец» и «Сын». С одной стороны, они обозначаются отдельно друг от друга, например «Он верует в Христа и обдуманно пришел креститься, сын его, возможно, не имеет таких твердых убеждений в силу своего возраста». С другой стороны, часто они номинируются как пара, например «Взгляд сидящего у ног раба и отца с сыном, прикрывающихся одеждой, выражают, скорее всего, не страх, а умиление, хотя отец с сыном чем-то встревожены». Поэтому кроме отдельных полей, номинирующих объекты «Отец» и «Сын», мы также выделили поле, которое обозначает их как пару – «Пара Отец – Сын». На модели мы видим, что поле «Пара Отец – Сын» сильнее, чем отдельные поля «Отец» и «Сын». Это свидетельствует о том, что информанты в вербальном тексте стремятся объединить эти два объекта, номинируя их как целое: «отец и сын», «отец с сыном», «они». Кроме того, сильная связь между отдельными полями «Отец» и «Сын» говорит о том, что даже в тех случаях, когда эти объекты и не представлены как пара в вербальном тексте, тем не менее наблюдается тенденция их совместной встречаемости в предложениях. На кар-

тине эти два графических объекта объединяет (кроме непосредственной близости их расположения по отношению друг к другу) сходство поз и направление взглядов.

Примечательно то, что поле «Сын» не содержит местоименных замен (повторов). Это может свидетельствовать о второстепенности данного объекта и его меньшей значимости по сравнению с объектом «Отец» (и таким образом подтверждать мысль о причинах инвертированного порядка расположения этих объектов в вербальном тексте), так как очевидно, что наряду с обеспечением когезии повторы служат средством выделения наиболее значимой информации.

Два равнозначно сильных поля, обладающих одинаковой валентностью (7 связей), с которыми объекты «Отец» и «Сын» связаны

вне зависимости от того, представлены ли они как пара или по отдельности, – это поля «Расположение в пространстве» и «Действие/состояние».

Наличие поля «Расположение в пространстве», состоящего только из номинирующих компонентов (то есть обозначающих то, что непосредственно изображено на картине), говорит о том, что информанты стараются определить и указать их *место* в пространстве картины («*в правом нижнем углу*», «*справа от него*», «*за ними*» и т. д.), чего не наблюдается при сопоставлении результатов исследования фрагмента «Иоанн Креститель > Иисус Христос». Видимо, это связано с тем, что в отличие от Иоанна Крестителя и Иисуса Христа, которые воспринимаются информантами на переднем плане (как главные персонажи картины), объекты «Отец» и «Сын» информанты рассматривают как «одну из» пар или групп объектов, представленных на картине, и, соответственно, возникает необходимость определения места, «ниши» этих объектов в ряду остальных. Таким образом, данные объекты можно обозначить как «рядовые» в понимании информантов. Если мы обратимся к картине, то увидим, что, с одной стороны, эти персонажи действительно находятся «в ряду» всех остальных персонажей по горизонтали. С другой стороны, испуганное выражение их лиц и их позы – сжатые, склоненные, «закрытые» (сплетенные вместе руки, согнутые в локтях – особенно руки мальчика) позволяют думать об этих персонажах как о «рядовых», т. е. второстепенных.

Поле «Действие / состояние» кроме номинирующих содержит также интерпретационные компоненты. Информанты описывают не только то, что есть на картине, но также привносят в описания действия, по их мнению, относящиеся к персонажам. Например, «*За ними также находятся отец и сын, как и первые, они тоже, вероятно, только вышли из воды и немного дрожат*». Здесь мы, видимо, наблюдаем такое явление, как «сдвиг смысла и его приращение», которое происходит «в процессе продвижения текста от адресанта к адресату», о чем говорил Ю.М. Лотман, трактуя данное явление как присущий тексту «механизм порождения новых смыслов» [8, с. 145].

Также следует обратить внимание на то, что в вербальном тексте присутствует обозначение

течения времени, что в графическом тексте принципиально невозможно (за исключением принятых условных обозначений времени в пространстве, например, в иконописи), так как картина представляет собой «как бы временной срез реальности, «остановившееся мгновение» [11, с. 16]. Однако в 24 рассмотренных смысловых цепочках 16 раз наблюдается употребление прошедшего времени. Таким образом, информанты предлагают свои версии предыстории изображенного сюжета, частично вербализуя графический текст в динамике, что предполагает течение времени, например «*Они дрожат, так как только что вышли из воды*».

Еще одно сильное поле, связанное с двумя предыдущими, – это поле «Чувства / эмоции», которое полностью состоит из интерпретационных компонентов. Причем мнения информантов сильно разделились как по поводу выбора эмоций, так и по поводу их модальности (положительная или отрицательная). Мы выделили 19 различных эмоций, 6 положительных (радость, благоговение, благодарность, интерес, спокойствие, умиление – 2 раза), 9 отрицательных (беспомощность, испуг, насмешка, презрение, смущение, стеснение, страх, тревога, мольба (дословно – «умоление»)) и 3 смешанных, которые можно отнести и к тем, и к другим в зависимости от контекста («яркое проявление эмоций», волнение, удивление – 2 раза).

Это показывает, насколько по-разному могут восприниматься выражения лиц и поз изображенных на картине персонажей, подтверждая мысль Ю.М. Лотмана о том, что «в процессе перекодирования текста образуется не один перевод, а некоторый набор «правильных» (возможных) переводов» [8, с. 30]. Однако сам факт присутствия этого поля, а также то, что оно является сильным, позволяет сделать вывод о том, что информанты воспринимают и вербализуют эти объекты как наполненные эмоциями, не равнодушными к происходящему.

Семантическое поле «Направление» связывает поля «Пара Отец – Сын» и «Действие/состояние». С одной стороны, оно содержит компоненты, обозначающие то, что изображено на картине, то есть направление взглядов мужчины и мальчика. Например: «*Еще двое крестившихся, по-видимому, отец и сын, смотрят не на Христа, а на Иоанна Крестителя*». Причем наблюдается один случай несо-

ответствия описания изображенному на картине. Например, в одном из текстов-описаний мы читаем следующее: *«Рядом с хозяином стоят папа с сыном, уже крещенные, которые смотрят на хозяина с презрением, а на раба с умолением и беспомощностью»*. В то же время на картине достаточно хорошо видно, что направление взглядов отца и сына гораздо выше того пространственного уровня, на котором расположены хозяин и раб.

С другой стороны, поле «Направление» содержит также интерпретационные компоненты, такие как «из воды», «с реки», например: *«Заними также находятся отец и сын, как и первые, они тоже, вероятно, только вышли из воды и немного дрожат»*. Здесь мы снова наблюдаем «достройку» сюжета («приращение смысла») в сознании информантов и вербализацию графического текста в динамике (употребление в одном контексте настоящего и прошедшего времени, а также глаголов совершенного и несовершенного видов).

Поле «Крещение» не является сильным, однако его валентность достаточно велика (6 связей). Это говорит о том, что тема крещения, так или иначе, присутствует в сочинениях в различных контекстах, однако не наблюдается тенденции связывать ее с какой-либо однородной семантикой. Так, в ряде случаев поле «Крещение» реализуется в наименованиях объектов («крестившиеся» – 3 раза; «крещенные» – 2 раза). Например, *«Еще двое крестившихся, по-видимому, отец и сын, смотрят не на Христа, а на Иоанна Крестителя»* или *«Рядом с хозяином стоят папа с сыном, уже крещенные, которые смотрят на хозяина с презрением, а на раба с умолением и беспомощностью»*. Кроме того, тема крещения воплощается в глаголах прошедшего времени, обозначающих совершение обряда крещения, таких как «окрестил», «окрестились», «крещены», «окрещены», «прошли обряд крещения»: *«Они, прижавшись друг к другу, благодарят Крестителя за то, что он их окрестил»* или *«На картине мы видим отца и сына, которые были уже окрещены Иоанном Крестителем»*.

Следует отметить, что поле «Крещение» состоит только из интерпретационных компонентов, так как на картине не изображен сам обряд крещения. Видя изображенные объекты

и пытаюсь объяснить, «раскодировать» их смысл, информанты «достраивают» сюжет в своем сознании и воплощают его в вербальном тексте.

Наконец, еще одно поле, которое присутствует на модели, – это поле «Люди», в которое входят такие компоненты, как «Иоанн Креститель», «Иисус Христос», «люди», «раб», «хозяин», «странники». Это наименования тех персонажей, на которых, с одной стороны, по мнению информантов, может быть направлено внимание отца и сына. Например, *«Они, прижавшись друг к другу, благодарят Крестителя за то, что он их окрестил»*.

С другой стороны, персонажи предстают как окружение отца и сына, тем самым причисляя их к народу, толпе: *«Справа мы видим людей: там и хозяин со своим рабом, и отец с сыном, которые, видимо, только что прошли обряд крещения, сидящих странников, которые смотрят с ожиданием, волнением и интересом в сторону, указанную Иоанном Крестителем»*.

Таким образом, анализ переходов объектов друг в друга в вербализованном фрагменте графического текста позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, мы наблюдаем инверсию в расположении объектов в вербальном тексте, что может свидетельствовать о реализации социальных стереотипов в сознании информантов (предпочтение начинать описание с отца, видимо, в силу возрастного фактора и большей социальной значимости этого персонажа). Во-вторых, существует тенденция объединения объектов «Отец» и «Сын» в вербальном тексте, что свидетельствует о восприятии их как единого целого. Возможно, причиной тому является их генетическое родство, сходство поз и единое направление взглядов на картине (об этом же см. [10]). Возможно, из трех признаков наиболее значимым является социальный, т. к., например, в похожей на анализируемую паре «Хозяин – Раб» в процессе вербализации мы не наблюдаем настолько отчетливо данной тенденции (это подтверждает и отмечавшаяся выше композиционная инверсия).

Воссоздавая смысловую структуру фрагмента вербального текста, графосемантическая модель раскрывает некоторые общие механизмы восприятия и перекодирования графического текста в вербальный, а именно помимо собственно номинирующих компонентов (которые

соответствуют тому, что изображено на картине) в вербальном тексте появляются интерпретационные, оценочные, языковые компоненты,

а также рамочные компоненты, создаваемые пространственными и процессуально-временными характеристиками.

Список использованной литературы:

1. Белоусов, К.И. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск: РИО БПГУ, 2005а. – Ч. 1. – с. 50-56.
2. Белоусов, К.И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / К.И. Белоусов. – Оренбург, 2005б. – 374 с.
3. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику [Текст]: Учеб. пособие. / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – М.: Флинта: Наука, 2005в. – 136 с.
4. Белоусов, К. И. Заглавие текста как категория филологической рефлексии [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – Т. 3 – с. 43 – 47.
5. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
6. Елина, Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект): дис. ... д-ра. филол. наук / Е.А. Елина. – Волгоград, 2003. – 382 с.
7. Ковалев, Ф.В. Золотое сечение в живописи [Текст]: Учеб.пособие. / Ф.В. Ковалев. – К.: Выща шк. Головное изд-во, 1989. – 143 с.
8. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трех томах [Текст]. Издание выходит при содействии Открытого Фонда Эстонии ТОМ I Статьи по семиотике и топологии культуры. / Ю.М. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992. – 247 с.
9. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
10. Подтихова, Е.А. Код и композиция графического и вербального текстов (на материале сочинений-описаний по картине) [Текст] / Е.А. Подтихова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – Т. 1 – с. 494 – 498.
11. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / под. ред. Б.Ф. Егорова. Издательство «Наука». Ленинградское отделение. Ленинград, 1974. – С. 11-25.

Podtikhova E.A.

Structure and semantics of verbalization fragment of graphic text

This article is devoted to the studying of the mechanism of interaction between objects in verbalization fragment of graphic text (on the material at compositions-descriptions of the picture).

Key words: graphic text, verbal text, composition, verbalization.

Подтихова Евгения Александровна, аспирант кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета.
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372461, 8-905-84-99-195. E-mail: euginni@mail.ru